

Рашида Стикеева

Ключ

Повесть

Рашида Стикеева

Ключ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11662014

ISBN 978-5-4474-1788-8

Аннотация

Как прожить жизнь счастливо? Где найти ключ к этому счастью и есть ли он? Героиня повести уже отчаялась, но в один день она получает три ключа.

Содержание

Часть I

5

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Ключ
Повесть
Рашида Стикеева

© Рашида Стикеева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Часть I

Он пригласил её в ресторан. Для такого мероприятия у неё не было нового наряда.

Но было одно – предназначенное для редких и исключительных случаев.

Любимый зять привез из первых заграничных командировок. Чёрное. Простое, но очень элегантное. А к нему – брошь в виде цветка. Переливающиеся камушки горного хрусталя. Этакая хрустальная роза. Платье и цветок – в комплекте.

Она с удовольствием оделась, тщательно расправила складки и морщинки платья, огладив руками ткань вдоль тела. Перестегнула ремешок, сделав потуже, подчеркнув сохранившуюся фигуру, и подняла голову.

Из овального, в резной раме зеркала смотрела немолодая, но все ещё интересная женщина пятидесяти трёх лет. С подвижными трогательными морщинками вокруг весёлых глаз и всё ещё обаятельными ямочками. Крашенные под орех волосы были гладко уложены. Капельку настоящих французских духов за мочку уха и на запястье. Вот и хорошо! Вот и хороша!

– А я знаю, куда ты пошла, – в дверях подпрыгивал от собственных догадок маленький внук. Глазки-пуговки малолетнего шалуна превратились в хитрые щёлочки. Ножки, са-

ми по себе, от нетерпения вылезли из объёмных домашних пёстрых тапок.

– Ты почему не спишь?

– Я знаю, знаю, ты идешь... – малыш был в растерянности. Если бабушка шла в гости или ресторан, то почему на ней нет блестящего и шуршащего платья, как у мамы? Судя по загадочному виду, она точно шла на праздник, а главное, тайно... от мамы!

– Давай у нас с тобой будет секрет, – поспешила на выручку бабушка, – завтра я приду...

– Я в садике буду, – торопливо напомнил внук, поглядывая по сторонам. Секрет надо было получить сейчас.

Дочь и одновременно мать внука принимала водные процедуры на ночь глядя. И в любой момент могла их застучать в сговоре. Нужно было скорее получить секрет, унести и спрятать под подушку, пока не остыл.

– Ну хорошо! Когда ты придёшь...

– Ты мне всё расскажешь, да, бабуля? – весёлая мордашка расплылась в лукавой улыбке, маленькие ножки всё так же приплясывали от нетерпения.

– Конечно, куда я денусь, – быстро и весело согласилась помолодевшая бабушка, и они, расцеловавшись, стремительно разбежались в разные стороны. Она в прихожую одеваться, он в свою комнату, в тёплую кровать, прятаться под одеяло.

Мария Ивановна проверила готовность своей сумочки:

ключи, деньги и паспорт на всякий случай: всё на месте. Последний взгляд в полутёмное зеркало перед уходом.

– Мама, а ты куда? Да ещё и на ночь глядя?! – в дверях стояла дочь в красивом, как на обложке глянцевого журнала, пушистом банном халате и с накрученной из махрового полотенца чалмой на голове. Распаренная розовость гуляла на удивлённом молодом лице. Тонкие брови в недоумении приподнялась. Влажные глаза замерли в ожидании ответа. Ответа не было. Мать молчала, решительно завязывая шарф. Плохо получалось застегнуть пуговицы. Во всём сквозила досада: на себя, на водные процедуры, так спешно закончившиеся. Дочь ждала.

– Мам, тебе не стыдно? – тихо и необидно спросила она после непродолжительной паузы. Затем добавила еще тише, – ...бегаешь как девочка, что Петя скажет, а Леночка?

– Зять меня всегда понимал, а внучка, если ты постарайся, – Мария Ивановна для уверенности переложила перчатки из рук в руки, – и не заметит.

– Мама!

– Ужин на плите, Петин кефир и Леночкин завтрак в холодильнике. Всё, до завтра!

Муж Марии Ивановны, Григорий Михайлович, был замечательным во всех отношениях. С первых встреч и до того

памятного последнего их совместного дня.

Он первый заметил Марию в жарком месяце июле олимпийского, восьмидесятого, года. Маша проходила практику в Военной академии после окончания техникума, где к тому времени уже год учился Григорий. Эта невысокая, улыбчивая, уютная с чудесными ямочками на круглых щёчках рыжеволосая девушка вызвала в нем самые тёплые чувства. Чувства, которые мог вызвать только один человек. Он сразу же решил за ней ухаживать. Именно всерьёз ухаживать, ломая свои правила и свои привычки.

После окончания военного училища в Рязани и поступления в столичную академию жизнь Григория Измайлова изменилась.

Со всей ответственностью полностью отдавшись учёбе и спортивным тренировкам, подчинив свою молодую жизнь расписанию высшего учебного заведения, он вдруг понял, что есть ещё и свободное время. Время для личной жизни. Что делать с личной жизнью, Гриша не знал. Но, хорошо подумав, решил: раз есть такой факт, как свободное время, значит, пора искать невесту.

К этому делу он подошел степенно, всё обдумав. Потому как был по природе своей человеком серьезным, где-то даже старомодным, тем более в сердечных делах.

Григорий орлом смотрел на барышень. Мужчина он был

хоть куда. Высок, темноглаз, черноволос. Глубокий низкий голос, большие сильные руки. Обходителен и обаятелен, как это могут делать только большие крупные мужчины. При таких характеристиках девушки сдавались практически сразу.

Для начала молодой человек высматривал девушку, потом присматривался к ней, затем приглядывал – прикидывал, делая маленькую слежку на предмет привычек, подружек. Отдавая себе отчёт, что всё это жизнь человеческая, а значит, ценная: как его собственная. Понимая, что экспериментировать не стоит ни с собственной жизнью, ни с чужой, потому как дается она человеку один раз. И удовлетворяясь фактами и размышлениями, начинал ухаживать. Ненавязчиво и неназойливо. Но серьёзно и с душой.

После продолжительных встреч, которые порой длились и по полгода, делал выводы и красиво расставался. Один раз случился отказ и с женской стороны. Девушка оказалась с норовом. Барышня даже в негодовании топнула ногой, обозвав его собственником. Григорий побряхтел, попереживал, осознал, что перегнул палку, двинулся дальше на поиски той единственной, которой бы доверил самого себя и своего будущего ребёнка. Про любовь он не думал. Нет, конечно, задумывался! Ну что такое любовь? Так... страсти-мордасти. Всё ненадежно. А семья требует ответственности. Тем более если речь идёт о его собственной семье. Поэтому и женщина, мать его детей, должна быть самой что ни на есть надёжной.

Сам Григорий вырос в большой многодетной семье, был

последним – седьмым в вечно кричащей, дерущейся ораве детей. Родители надрывались в колхозе со старшими детьми, зарабатывая трудовни. Дети росли как могли. По всем законам тяжёлой крестьянской жизни.

Вся семья с детства привыкла видеть Гришку рядом с матерью. Мальцом, хватающимся за край материнской юбки, подростком, сидящим украдкой на её коленях. Отроком, шушукающимся с ней на завалинке в огороде. Юнцом – везде и всюду ей помощником.

Гриша с малолетства знал, что мать всегда буквально тряслась над ним. Потому как потеряла предпоследнего. Лелеяла и холила своего последыша как могла. А как могла?! Сама всё время находилась в состоянии выживания. Он был очень благодарен ей за то, что та оберегала его от всех невзгод трудной крестьянской жизни. Была ему уютным гнездом и защитой одновременно. Ему единственному читала на ночь две чудом оказавшиеся в доме тонкие книжки. Одна с непонятным названием «Козетта», а вторая, с ссохшимися замусоленными краями жёлтых страниц, была вовсе без обложки и названия, только с истёртым блёклым рисунком в начале текста, где Дед-шарманщик шёл с мальчиком сквозь метель.

Калужская крестьянка с четырьмя классами образования, мать очень старалась, чтобы сыну было интересно слушать. Читала медленно, где-то по слогам, где-то нараспев, не торопясь. Всплакнув в местах особо чувствительных и переходя

на шёпот в тревожных. Трогательно и искренно переживая все эмоции, связанные с событиями в книжке. У матери с сыном сложились свои, отдельные от семьи, ведомые только им и не ведомые никому больше отношения очень близких людей. Связь эта, как понимал Григорий, строилась на простых законах. Ты обо мне заботишься, помогаешь выжить, а я тебя за это искренне люблю. Отец был человек жёсткий, строгий, неулыбчивый, уверенно управлял семьёй и хозяйством.

Ни для кого не было секретом, что из всей семьи Гриша дружил только с матерью. За отцом наблюдал, сидя опять же у матери на коленях. С остальными братьями и сестрами существовал. Уехав учиться, писал письма только ей. Никого не удостаивал своим вниманием и интересом, не размещал его на остальных членов большой семьи.

Став взрослым, изредка вспоминая отца, Григорий не раз спрашивал себя: почему тот был суров к жене, к матери девяти детей? Что такого сделала? И не было у него ответа, кроме как – все так жили! Жизнь в деревне суровая, не до нежностей.

Свою семью, так решил Гриша, будет строить по такому же принципу: жена и дети должны будут бояться и уважать его.

Отец в трудах и заботах не заметил рождения Гришеньки. За всю последнюю беременность жены ни разу не приласкал

женщину. Всё больше отмалчивался. Не помнил, как тот вырос. Не горюя, проводил во взрослую жизнь, и, не скорбя, расстался с ним навсегда. После поступления в военное училище младший сын ни разу не приехал в родительский дом.

Надо сказать, родные не переживали и не обижались на него за это. Общения хватало благодаря многочисленному составу семейства. На редкие застольные праздники, когда бывшие дети теперь уже со своими разросшимися семьями накатывали домой, Григорий присылал длинное тёплое послание, адресованное матери, где поименно передавал привет всем своим братьям и сестрам, племянникам и племянницам, а также внучатых родственников не забывал. Адрес, а позднее и телефон всегда обещал выслать позже, после некоторых уточнений.

Письма были искренние, добрые и весёлые. И родственники, обманутые в очередной раз, оставались довольными его отговорками. Служба военного – работа секретная, что тут поделаешь! Никто не был в претензии.

Мать по простоте недоумевала, отчего такая благодать?! Отчего такое внимание, избранность, забота со стороны младшенького. Счастливо грелась в лучах этого внимания. Черпала пригоршнями редкую радость и набиралась весёлого здорового духа.

Мария принимала ухаживания Григория, не видя подвоха. Счастливо бегала на свидания и весело кокетничала, не допуская вольностей. Опомнилась, когда Григорий, крепко обняв её, объявил: завтра в загс, не забудь паспорт взять и подружку в качестве свидетельницы.

– А как же мама? – ахнула Маша. – Я не могу вот так... без родительского благословения.

– Ну, хорошо! Мама так мама! Завтра в загс... заявление, и сразу в поезд, в Казань, к тёще.

– Гриша, постой, не торопись! Ты любишь меня? – Маша ждала немедленного ответа.

– Ну, конечно! А как же без этого?! – засмеялся Григорий.

Свадьбу сыграли там же, в Москве, позже, тихую и скромную. Несколько значимых приятелей Григория и две незамысловатые подружки Машеньки, отобранные им же, Григорием, для столь судьбоносного мероприятия. Из родителей только тёща – Ираида Африкановна, да и та по природе своей была молчалива. Зятя приняла, сдержанно понимая, что её мнение не повлияет на ход событий. Глядя на дочь, скупно улыбалась, предполагая, что дочь не вышла ещё из поры нежного девичества. Как солдатик подчинилась приказу этого сильного строгого человека: замуж так замуж. Слава

богу, что человек он положительный, домашний. А там моя девочка привыкнет, куда денется, все так живут.

Была Ираида Африкановна из глубоко верующей семьи. На все Машенькины просьбы рассказать про деда с бабкой отмахивалась и отнекивалась, только по вечерам истово крестилась за упокой души невинно убиенных. Кто были ее родители, откуда и как она оказалась в Казани, вернее, на её окраине. Как удалось окончить медицинское училище? Как попала работать в детскую инфекционную больницу медсестрой? Дочь не знала. Отца Маша тоже не знала и не помнила. Ираида рано осталась вдовой с годовалой Машенькой на руках.

При больничке была бельевая, а при бельевой маленькая утеплённая терраска. Вот в этой бельевой – терраске и жили мать с дочерью. Не строя планы на будущее. После окончания школы Маша поступила в техникум. На чертёжницу. Училась хорошо. Весело. Подруг было много. Ребят – друзей всегда хватало. Матушка всё больше помалкивала да по вечерам читала свои молитвы. Жили дружно, без сложностей. Маша любила мать простым понятным чувством на том простом основании, что это был единственный родной человек. А что ещё должно связывать родных людей – только искренняя привязанность и бескорыстная любовь.

Сколько себя помнила Маша, родительница всегда работала в одной и той же больнице. На краю города. И главный врач у неё был всегда один и тот же – Сан Саныч Седой.

Весь серый и унылый от хронической усталости и недосыпа. С остатками пепла дешевых сигарет на рукавах вечно мятого пиджака. Был он одинок, своей заурядной внешностью – впалыми щеками и тяжелым плохо выбритым подбородком – женщин не привлекал. Работал сутками. Нехотя уходил на выходные и праздники.

Никогда Машенька не слышала от матери сетований и жалоб на тяжёлый труд или на неустроенность быта. Утро начиналось с тихого бормотания молитвы, так же день и заканчивался. Днём жили открытым домом: каждый мог зайти, забежать, заглянуть. Вечером терраска закрывалась на нехитрый крючок.

Казалось, никого Ираида не боялась и ничего не боялась. Со всеми могла договориться, по крайней мере, она так говорила. Малого роста, аккуратного сложения. Обыкновенные карие глаза, курносый нос и острый подбородок. Внешность бледновата, конечно, но зато всё ещё блестящие рыжие волосы выбиваются из-под косынки. И часто ловит взгляды Сан Саныча на своём милом лице. Поймав, отворачивалась. Неразговорчивая, но улыбчивая. Похожа была скорее на воспитанную девочку из профессорской семьи.

Удивлялась дочь только одному незыблемому больничному правилу: сообщать о смерти ребенка, что случалось нечасто, родителям или отнести труп умершего ребенка в центральный городской морг на вскрытие доверяли только Ираиде. Однажды вот так и столкнулась с ней на мосту. Мать

шла с отрешённым лицом, глазами внутрь себя, еле шевеля сухими губами и истово прижимая к себе большой не то кулек, не то свёрток. Маша не решилась окликнуть её, и та тенью прошла мимо.

Как-то раз в воскресное утро Ираида, вернувшись после ночного дежурства, прилегла. Маша трудилась с тяжёлым утюгом над больничным постиранным хозяйством, была такая договоренность.

Дверь распахнула молодая нянька Зойка. Вертлявая и быстроногая:

– Ираида Африканна, там... привезли... совсем плохая... бегите, зовут вас.

Ираида как всегда молча, без вопросов, быстро накинула белый халат и кинулась вслед за Зойкой, которой уже и след простыл.

В приемном покое шёл осмотр больной. Девочка горела scarлатиной. Металась в бреду, обмётывая языком иссохшие губы. Рядом топтались потерянные родители, по виду простые колхозники.

– В бокс её, Ираида, в бокс. Родителей вон... в коридор. На педикулез... Зоя! Направление проверила? – главный врач Седой Александр Александрович был суетлив и недоволен. Он всегда, казалось, был, недоволен при поступлении тяжелобольных. Нервничал, переживал, нарочито громко и грубо давал указания.

– Да вы что, Сан Саныч? Какой педикулез? К ней подойти... сгоришь, – Зойка на всякий случай сделала страшные глаза.

– Я всё сама сделаю, вы идите. Давайте вещи и ждите в коридоре, – Ираида глянула на девочку, украдкой переkreстилась, кивнула главному и толкнула каталку в полутёмный бокс.

Три дня в бокс никто не входил, кроме Седого. Выходил он в настроении хуже некуда. Шёл к себе в кабинет, запирался и курил так, что весь коридор наполнялся тяжёлым запахом вонючих сигарет. Ираида и вовсе не выходила. Знали только, что девочка в бреду без сознания мечется, а та при ней сиделкой, вроде как молитвы читает и лекарством потчует.

На четвёртый день, вызвав к себе в кабинет родителей, Сан Саныч объявил готовиться к худшему. Мать девочки, не сходя с места, заголосила так, что все ходячие больные повыскакивали из своих палат. Из бокса выползла почерневшая за последние дни Ираида. Взглядом заткнула голосившую тетку и велела убираться прочь... в церковь или в мечеть... куда там хотите... за здоровье, слышите, за здоровье ставьте... молитву читайте!..

На следующее утро в боксе Сан Саныч застал следующую картину: бледную, но живую девочку с лихорадочными глазами, водившую худым пальчиком по стеклу замершего окна, что-то бормоча себе под нос, и спавшую у неё в ногах

Ираиду. Таковую же худую и серую.

Девочку перевели в отделение выздоравливать. Ираиду отправили отдыхать.

Вся больница ненадолго впала в изумление. Ираида чувствовала шёпот и разговоры – за ней наблюдают, кто-то с усмешкой, кто-то с восхищением. Родителей, явившихся с подарками в знак благодарности, Ираида развернула, не дав и порог переступить: Всевышнего благодарите, а не меня!

Маша после этого случая стала внимательней относиться к матери, с интересом, что ли, словно пыталась какой-то секрет в ней разгадать, о котором она до сих пор и не догадывалась, прожив с матерью больше шестнадцати лет.

После регистрации брака молодожены сняли у полусумасшедшей четы старых партийных, изрядно потрепанных в ссылках и ГУЛАГе, но всё ещё идейно стойких ленинцев Левковичей комнату на улице Кирова. Григорий занёс два чемодана в тесную и тёмную комнатку, похожую на пенал, и Машенька счастливо засмеялась.

– Ну, вот, Маруся, и у нас свой угол.

– Не Маруся... Маша, Маша, я! И не угол, а дом. Настоящий маленький, но дом. Свой дом.

Москвы Маша за те недолгие годы так и не увидела. Кра-

соты столичной не разглядела. Театрами, выставками, магазинами не прельстилась. За продуктами Маша ходила в ближайший гастроном. А платья и кофточки сама себе строчила, благо ткани всегда можно было купить в столице свободно.

Оба целыми днями пропадали в академии: он на занятиях, она в конструкторском бюро на практике. Обедать бегали вместе в столовую одного маленького издательства, неподалёку, за углом. Там за советский полтинник давали обед из трёх блюд: на первое постный борщ, на второе жидкое пюре с резиновой котлетой, ну и бледный компот с разваристыми, похожими на медуз, яблоками.

Обычно за обедом Гриша всегда много говорил: обсуждал, возмущался, ругал кого-то, а Маша его слушала. Когда она отвлекалась, он делал ей нестрогий выговор: мол, слушай, когда муж говорит, и снова возвращался к своему монологу. И жена слушала или делала вид, что слушала, жевала свою котлету, исподволь разглядывая прохожих за широким окном столовки.

Со стипендии, раз в месяц, шли на рынок, покупали картошку, лук, морковь и курицу. Жарили, варили. Мясо и всякие разносолы водились редко в молодой семье. Помощи не было. Да они и не ждали. Машенька оказалась замечательной хозяйкой. Проворной и рукастой. Она не только ухаживала за мужем, будущей гордостью Отечества, но и за ста-

рой большевистской гвардией приглядывала: подкармливала ужином, обстирывала латаные— перелатанные одежды героев революции. Липковичи полюбили её, к Григорию же относились сдержанно.

Через год, летом, Маша родила девочку. Девочку Леночку. Молодые родители внесли в дом и кинулись разглядывать маленькую. Малышка была похожа на маленького ёжика. Не по жёстким волосам, волосы как раз были мягкими, светлыми и нежными как пух, а по забавной повадке шумно любопытно принюхиваться своим носиком-кнопкой перед кормлением. Кормление было частым и долгим, и Машенька, было, совсем уже замучилась: готовить обеды, убираться, стирать, ухаживать за Леночкой. Но партийная чета поддержала молодую мать.

Старый герой-партиец, раскатывая коляску в длинном тёмном коридоре, просвещал непросвещённого младенца в области марксистско-ленинской науки. Так под скрип коляски Леночка освоила «Капитал». К годовщине первой Леночкиной жизни старый еврей замахнулся на «Апрельские тезисы» и ранние труды Владимира Ильича, кряхтя доставая с верхних полок пыльные темные книги.

Леночка ковыляла на неуверенных круглых ножках по своим первым дорожкам двора, крепко держась за палец старого идиота. Сидя в лёгкой косыночке в безопасной песочнице, запускала первые свои внятные звуки. Самостоятельно орудовала детской лопаткой и ведёрком под кустом сирени и

под льющиеся из уст съехавшего с катушек старика неумолкающие цитаты вечно живого Ильича.

Так они и прогуляли первые годы Леночкиной жизни: старый оратор-идеолог и малолетняя благовоспитанная слушательница. Благодаря такой идеологической закалке в последующие годы Леночка в детском саду изумляла всех правильностью речи и феноменальной памятью.

Везучий был Григорий, ох и везучий! Ближний Восток даже не аукнулся. Афганистан – не зацепил. До Северного Кавказа было далеко. До академии прослужил на Дальнем Востоке почти пять лет в одном гарнизоне. После окончания академии покидало немного, помотало по стране. Прибыло в Казахстан. В Семипалатинскую область. В закрытую военную часть стратегического значения, именуемую «город Курчатов». Маленький городок сплошь из блочных серых четырёхэтажных домиков-коробочек. Серый, бездушный, продуваемый с трёх сторон казахской ковыльной степью. Видимость была завидная, за несколько километров. Город по всему периметру было обнесён колючей проволокой. Одной, видно, самой стратегической стороной выходил на высокий берег Иртыша и тоже ограждался. Речные суда, проходящие мимо, обязаны были проплывать быстро без показательно-приветствующих гудков, как говорится,

«не оглядываясь». Ездить в находящийся рядом, в ста сорока трёх километрах Семипалатинск, разрешалось только по специальным пропускам. Одним словом, закрытый объект как закрытый советский объект за номером №... Зато снабжение было по первому классу!

Прилавки двух гастрономов радовали глаз изобилием и дружбой советских народов. Икру, конечно, ложками не ели, но все деликатесы отечественного и импортного производства и всё самого лучшего качества. Мясные консервы из того же рядом находящегося Семипалатинского мясоконсервного комбината. Тут не только рядовая дачная тушёнка «с медалями», но и говяжий язык в желе, нежная тибуха в рассоле, студень в собственном соку и много чего вкусно-го. Деликатесы из сыров, колбас были представлены в ассортименте из Москвы и Ленинграда. Рыбные консервы все из Прибалтики и Калининграда. Шпроты красовались на отдельной полке аж трех (!) видов. Горошек, кукуруза, перец и всякие весёлые баночки из Венгрии и Болгарии. Сладости в виде конфет – сплошь московские, «Бабаевской» и «Рот Фронт» кондитерских фабрик. Чай не только № 36, пожененный, знать бы «кого с кем там поженили», как говаривала Ираида Африкановна, но и индийский, со слоном на боку яркой коробки.

Трикотаж, аккуратно висевший на плечиках, был исключительно ленинградский и рижский. Но часто были югослав-

ские и польские завозы. Термосы и полотенца из дружественного Китая радовали своим отменным качеством. Техника японская, но немного и нечасто. Косметика разная – целиком из солнечной Болгарии.

В первое время Машенька замирала прямо на пороге магазина. Глаза не могли нарадоваться и вобрать в себя всё это продуктово-бакалейное пиршество. Ходила как в музей, просто посмотреть, порадоваться. Покупала понемногу, оставляя повод для радости похода в магазин и на следующий раз. Григорий посмеивался:

– Что же ты сразу-то всё не купишь? Ты прямо как не советская женщина?! Хватай, тащи, пока возможность есть!

А она получала тихую радость и наслаждение почти физическое от этих частых праздников – походов. Радость человека, познавшего бедность.

Целый год Машенька ходила в магазины, больше удовлетворяя свою эстетически-зрительную потребность, нежели практическую. Целый год Григорий Михайлович учил жену быть истинно советской женщиной. Маша слушала, соглашалась, кивала головой и продолжала свои прогулки за положительными эмоциями. В последующие годы жизни в этом степном бездушном сером городишке Маша немного обвыкла с местным изобилием.

Леночка же радовала своим быстрым развитием, превра-

тившись в разумную малолетнюю красавицу. От матери унаследовала выющиеся рыжеватые волосы с медным отливом, бархатные тёмные глаза, очаровательные ямочки. От родителя – рост и статность. Она была везде и всегда звездой в больших и малых детских коллективах, не участвуя при этом ни в каких соревнованиях. Крепенькая и приветливая девочка не испытывала никакой нервозности ни в чём, не принимая никакого участия не только в скандалах и ссорах своих подружек, но и в любых мероприятиях. Такое поведение можно объяснить либо ангельским великодушием, либо сатанинской гордыней. Мария с нежным удивлением наблюдала за дочерью, за её правильностью вести свои детские девчачьи дела.

Вечером, купая дочь перед сном, та сама, без вопросов, начинала увлечённо рассказывать о событиях пройденного дня. Мария долгий монолог не прерывала, понимая, что это отцовская наследственность: говорить, требуя молчаливого внимания и участия. Справедливо отмечая её взросление. Она любила дочь без слепого обожания, без нравоучений, немного отстраненно. Как бы любуясь и давая возможность родному человечку свободно и спокойно расти. Самой разбираться во всём. Мать и дочь были близкими друзьями, душевными подругами, глубоко уважая пространство друг друга, несмотря на малолетство одной.

Чего нельзя было сказать про отца.

Григорий Михайлович к тому времени уже получил май-

ора и отвечал за идейно-политическое дело вверенного ему объекта. Имел репутацию строгого, но справедливого начальника. И дома не расслаблялся, не давая возможности никому расслабляться в его присутствии. Руки не распускал, да этого и не требовалось. Мария не давала повода. Да и Леночка была послушной дочерью... и только. Кроме подчинения, краткого отчёта от дочери ничего не требовалось. Леночка принимала правила игры: честно отчитавшись и доложив об успешном ходе своей подготовки к школе, уединялась с матерью за книжкой или вечерним оживлённым разговором. Как всегда, должным слушателем была Маша, а Леночка, в основном молчавшая при отце, взахлеб шёпотом рассказывала матери о последних событиях: кто кому на ногу наступил, кто больше плохих слов знает и как Вовка-морковка хотел Леночку поцеловать, но она убежала и язык ему показала, дураку этакому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.